

Никита МОИСЕЕВ

Экологический фон современной политики

Экологический кризис и монополизм

Научная общественность восприняла результаты деятельности международного экологического конгресса в Рио-де-Жанейро как неудачу, поскольку там были отвергнуты некоторые серьезные предложения ученых, направленные на объединение усилий вокруг проблем общепланетарного масштаба. Так же как и неудача большинства экологических движений, это неприятие связано с тем, что люди плохо понимают реальность планетарной ситуации, неизбежность и глубину грядущего кризиса. Широко распространена убежденность в том, что для стабилизации экологической обстановки достаточно локальных мероприятий — введения безотходных технологий, утилизации мусора и т. д. При этом люди, занимающиеся конкретной организационной деятельностью в области планетарной экологии, рассматривают ее как ординарный бизнес, подчиненный собственным интересам и принятым политическим стандартам.

Пришло время понять, что совокупности отдельных усилий и даже абсолютно необходимой всеобщей «экологической грамотности» совершенно недостаточно, чтобы преодолеть трудности выживания человечества. Нужно нечто качественно большее. Необходимо прежде всего признать эту проблему наиболее фундаментальной, имеющей абсолютный приоритет перед другими стоящими перед человечеством. Необходимо понять, что эта проблема требует объединения естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, создания новой парадигмы общественных наук, совершенно иного представления о месте человека в биосфере.

К сожалению, до сих пор отсутствует единый фронт научных исследований в области взаимоотношений человека и природы, несмотря на то, что проблемами экологии занято множество организаций и весьма большое число специалистов. Усилия науки, направленные на решение многих конкретных и труднейших экологических проблем, оставляют, тем не менее, в стороне некоторые общие вопросы, без понимания и анализа которых исчезает цельность представления о происходящем и создается иллюзия, что при решении глобальной экологии можно

* Обе статьи этой рубрики подготовлены авторами на основании докладов, представленных Междисциплинарному семинару по цивилизационным кризисам Российского открытого университета.

Моисеев Н. Н. — академик РАН. Статья продолжает размышления автора, опубликованные в нашем журнале (см. «ОНС», 1992, № 5; 1993, №2).

ограничиться мерами локального характера. Чрезвычайно важно — более того, совершенно необходимо, — чтобы каждый человек следовал в своей жизни определенной «экологической морали», но есть и нечто большее, зависящее от общества в целом.

Пришло время понять, что человечество, как любой другой живой вид, — всего лишь одна из составляющих биосферы, вне которой оно жить не может. Что же касается самой биосферы, то она существовала миллиарды лет без человека и будет существовать, даже если род человеческий ее покинет, оказавшись неспособным преодолеть трудности, которые рождает прежде всего он сам. Пришло время осознать, что человечество следует законам развития биосферы и взаимодействует с ней как единое целое. Как и любой другой живой вид. Из этого очевидного утверждения следует множество важнейших следствий.

Многие ли отдают себе отчет в том, что для того чтобы у человечества были перспективы собственного развития, оно должно быть способно вписываться в естественные циклы биосферы, т. е. в естественные круговороты веществ, обеспечивать возможность коэволюции с природой в рамках той экологической ниши, которую оно сегодня занимает. Последнее означает необходимость сохранения гармонии с природой и того хрупкого равновесия, смысл которого мы еще в должной степени не понимаем.

Когда какой-либо вид становится монополистом в своей экологической нише, он начинает безудержно эксплуатировать ее ресурсы. Разрушается ее равновесие, естественный круговорот веществ, разрушается и сама экологическая ниша, послужившая источником развития и процветания вида. Монополиста ждет неотвратимый кризис. При этом вид либо деградирует и в дальнейшем просто исчезает, либо стихийным образом в результате перестройки или мутаций происходит качественное изменение экологической ниши с неизбежным изменением самого вида, который должен адаптироваться к новым условиям жизни. И прежде всего к перестройке своего поведения, организации сообществ. Эти азбучные истины универсального эволюционизма должны быть усвоены людьми, если мы действительно хотим сохранить себя на планете.

Человек сделался монополистом уже в мезолите (а может быть, и раньше), и глобальный экологический кризис был неизбежен. Он и произошел, когда вместе с усовершенствованием оружия человеком были уничтожены крупные животные, составляющие основу его пищевого рациона. Кризис носил глобальный характер. Люди вышли из этого кризиса, создав новую экологическую нишу на основе земледелия и скотоводства и перестроив свою общественную организацию и основы поведения, т. е. развив соответствующим образом свою мораль. Но человечество заплатило за эту перестройку дорогую цену — население планеты сократилось во много раз.

Преодолев первый глобальный экологический кризис, человек только упрочил свое монопольное положение, не осознав его трагизма. Он продолжал и продолжает расточительно относиться к природе, стремясь предельно использовать ее богатства. Поэтому новый глобальный кризис неотвратим! Мы чересчур поздно осознали факт его приближения. Кризис может быть лишь смягчен, если человечество окажется способным преодолеть слепую стихию развития, организовать определенные целенаправленные коллективные акции общепланетарного масштаба.

Человек обречен на монополизм — таков смысл мирового эволюционного процесса. Но у него есть разум и потенциальная способность целенаправленных действий, способность создать систему «антимонопольных законов». Проблема состоит в том, чтобы понять, каковы должны быть эти целенаправленные действия, какими должны быть эти «законы»,

чтобы смягчить кризис и найти пути его преодоления, которые не привели бы, как в далеком прошлом, к десятикратному снижению населения.

Индикаторы катастрофы

Человеку не дано предвидеть будущее. Случайности и непредсказуемое поведение миллиардов людей могут совершенно исказить контуры ожидаемого. Потому так опасны утверждения в человеческой практике любых утопических схем общественного устройства и попытки использования методов социальной инженерии. Любой общественный процесс, становление общественной организации — следствие сложнейших взаимодействий интересов и стремлений миллиардов людей.

Но человечеству, вооруженному научными методами анализа, доступно предвидение тех опасностей, которые могут встретиться на пути его развития. Предупрежденный о них человек может сформулировать условия экологического императива или определить некую запретную черту, которую ни при каких условиях он не имеет права переступить. Если человечество окажется способным выполнить подобные условия, то у него появятся шансы найти возможности перестройки своей ниши и своего образа жизни, адаптированные к новым условиям. А это эквивалентно утверждению новой нравственности — тех норм поведения, которые приведут в соответствие деятельность человечества в новых условиях с законами развития биосферы. Хочется верить, что они могут оказаться достаточными для обеспечения дальнейшего развития общества.

Иными словами, река истории неподконтрольна человеку, но ее берега мы способны разглядеть на определенном расстоянии и, если это необходимо, построить нужные нам защитные дамбы.

Таким образом, первое, без чего действия людей могут оказаться лишены всякого смысла, — выяснение опасностей и условий выживания биологического вида.

Сегодня этими проблемами занимаются большие коллективы специалистов, которые направляют свои усилия на анализ конкретных проблем, таких как разрушение озонового слоя, возникновение парникового эффекта, загрязнение океана и множество других весьма важных вопросов, без которых невозможна какая-либо конкретная деятельность. Мне представляется, однако, что среди множества проблем есть две, которые имеют особое значение для будущего и которым должен быть отдан приоритет.

Среди индикаторов приближающейся катастрофы на первое место я ставлю «проблему Мальтуса», понимая ее более широко, нежели об этом писал знаменитый английский монах. Проблемой Мальтуса я условно называю углубляющееся несоответствие всё увеличивающихся потребностей растущего человечества с уменьшением возможностей оскудевающей планеты удовлетворить эти потребности. Сегодня особенно опасно не непосредственное уменьшение пищи, производимой на одного человека — ее пока, при разумном распределении, может быть еще достаточно, — сколько уменьшение продуктивности биоты и ее деградация, которые уже отчетливо видны в ряде стран (Бангладеш, Узбекистан и др.). Это значительно более грозный симптом.

Процесс несоответствия потребностей и возможностей идет по возрастающей и может принять характер общепланетарной катастрофы уже при жизни поколения, родившегося в XX веке. Надо с полной ответственностью и абсолютной честностью публично признать, что при современных жизненных стандартах и технологиях биосфера планеты не может выдержать такой антропогенной нагрузки, такого количества своих

обитателей! И это признание должны сделать политики и положить в основу некоторого нового представления о смысле политики, в котором внутренний государственный и тем более национальный эгоизм уступят место пониманию проблем общепланетарной цивилизации.

Сегодня прессой и учеными из политических соображений замалчиваются многие демографические проблемы, в то время как назрела необходимость целенаправленного вмешательства в их решение международного сообщества. Это и необходимость регулирования семьи, и вытекающие из этого трудности, и многие другие аспекты «проблемы Мальтуса». В современных условиях такое замалчивание крайне опасно. Человечество должно встречать трудности с открытым забралом, с полным знанием и пониманием смысла происходящего. Это важнейший шанс не повторить судьбы неолитического кризиса и установить приемлемые стандарты дальнейшего развития человечества.

Вторая проблема, которая еще меньше обсуждается, но не из политических соображений, а в силу ее научной сложности,— это проблема стабильности биосферы как единой системы. К сожалению, ее значение недооценивается даже специалистами. Хотя уже и появился для этого специальный термин — *sustainability*, т. е. поддерживаемое равновесие. Впрочем, я не думаю, что существует много людей, способных дать ему удовлетворительную интерпретацию.

На протяжении всей истории человечества, до самых последних столетий, биосфера сохраняла способность компенсировать антропогенные нагрузки, сохраняя тем самым и свои основные параметры, в том числе такие жизненно важные для человечества, как средняя температура, химический состав воздуха и т. п. Несмотря на то что человек со времен неолита начал создавать искусственные биоценозы, в среднем его деятельность не нарушала основных природных циклов циркуляции вещества; можно было говорить лишь о локальных нарушениях стабильности. Точно так же биота компенсировала и результаты природных катастроф. Например, на увеличение концентрации углекислоты в атмосфере биота отвечала увеличением своей продуктивности, поскольку углекислота — это пища растений.

Но в последнее время ситуация, кажется, стала изменяться. Так, в XX веке антропогенное увеличение концентрации углекислоты в атмосфере превысило 17 процентов. Однако никакого заметного увеличения биомассы мы не фиксируем. Из этого еще рано делать какие-либо далеко идущие выводы, но упомянутый факт — грозный признак того, что биосфера в целом, может быть, уже начинает терять стабильность и ее параметры могут выйти за опасные границы. Он может означать, что своих естественных компенсационных способностей биоте уже недостаточно для того, чтобы компенсировать антропогенную нагрузку. И естественные геохимические циклы начинают перестраиваться.

Сказанное показывает: нельзя исключить того, что биота начинает терять свои регулирующие функции. Но если так, то может начаться перестройка биосферы как единой сложной нелинейной системы. Она будет носить непредсказуемый и спонтанный характер, как любой процесс перехода из одного квазистабильного состояния в другое. Компьютерные эксперименты, которые мы проводили с большой компьютерной моделью биосферы в восьмидесятих годах, когда изучали последствия обмена крупными ядерными ударами, продемонстрировали, сколь стремительной может быть перестройка биосферы. Но самое опасное состоит в том, что в результате антропогенных воздействий биосфера может перейти в состояние, которое столь же непригодно для жизни человека, как и после планетарной ядерной катастрофы. Правда, уже по другим причинам.

Может ли произойти такая перестройка в ближайшем будущем? Ответ на подобный вопрос могут дать только специальные исследования, поэтому ответственность людей перед будущими поколениями состоит, помимо прочего, в организации таких исследований.

Изучение запретной черты и политика

Общую картину взаимоотношения человек — биосфера и те опасности, которые подстерегают человечество как вид, как составную часть биосферы, мы пока представляем весьма фрагментарно. Это само по себе очень опасно. Необходима целенаправленная программа исследований, позволяющая со значительно большей полнотой и точностью определить запретную черту, т. е. «водораздел истории». Такие исследования необходимо сделать предметом заботы не только ученых, но и политиков. Именно на плечи последних ляжет организация международной кооперации исследовательских усилий. Их масштаб должен выйти за пределы обычной академической деятельности. Он должен быть подобен тому, что пытается делать мировое сообщество в области разоружения, ликвидации ядерного оружия и обеспечения радиационной безопасности. Политикам предстоит сменить приоритеты своей деятельности, по меньшей мере приравняв планетарные экологические интересы национальным интересам. В этом глубокая особенность современной политической жизни.

Работы по изучению условий экологического императива должны обладать целым рядом особенностей, ставящих, соответственно, ряд новых задач перед политиками и государственными деятелями.

Во-первых, эти работы должны быть долговременными. Я бы сказал даже так: экологические проблемы планетарного масштаба — не дань сиюминутной ситуации. Мы просто только сейчас начинаем их осознавать. Но на самом деле это проблемы вечные — пока существует человечество, значимость обеспечения коэволюции человека и биосферы будет только возрастать. Изменяются условия жизни людей, появятся новые технологии, претерпит изменения характер взаимоотношений человека и природы, станет меняться и характер запретной черты, т. е. экологического императива. Уже сейчас это ключевая проблема как фундаментальных наук, так и технологических дисциплин, поскольку успех или неудача в ее решении будут прямо влиять на судьбу всего нашего биологического вида. И политические лидеры должны привыкать к мысли, что подобные вопросы гармоничного развития человека и остальной биосферы потребуют усилий и компетенции не только ученых, но и их собственных. Причем чем дальше, тем более высокий приоритет будут приобретать проблемы экологии в спектре обязанностей не только внутренней политики, но и внешнеполитических ведомств. Ответственность народов за общее существование будет все время возрастать. Чем более мощной будет становиться цивилизация, тем опаснее могут быть любые срывы и ошибки и тем точнее должны быть согласованы действия людей и государств. А это уже дело политиков, но политиков нового типа, по-иному понимающих собственные задачи.

Во-вторых, основные усилия в области экологии и особенно изучения условий экологического императива должны быть перенесены на международный уровень. Большинство из этих задач можно решить только объединенными усилиями всех государств. Все государства должны нести не только моральную, юридическую, но и финансовую ответственность за достигнутый уровень понимания смысла экологического императива, за характер решения локальных экологических проблем и взаимосвязанность проблем выживания человечества.

В-третьих, исследовательские работы должны проводиться в значитель-

ной степени независимо от правительств, в действиях которых неизбежно будут проявляться элементы национального эгоизма. Нужны же объективные знания, объективная информация, не зависящая от сиюминутной политической конъюнктуры. И они нужны всему человечеству, а не какому-либо отдельному государству. Значит, люди, добывающие эти знания, должны быть независимыми от национальных, религиозных, географических и прочих ограничений и ответственность должны нести перед всем человечеством. Научные программы необходимо разрабатывать в интересах «общепланетарной нации», в интересах выживания всего рода человеческого — самого вида *homo sapiens*.

Эти пункты, казалось бы, противоречат друг другу. Они действительно трудно совместимы и требуют нового политического мышления и новой организации мирового сообщества.

Организация исследовательских программ

Как организовать необходимые исследования, как обеспечить объективность получаемых знаний? Это важнейшие вопросы современной планетарной экологии — впрочем, локальной экологии практически не существует, ибо все связано между собой и неблагополучие в одной стране или одном регионе немедленно сказывается на всей планете. Вопросу о рациональных формах международных усилий в области исследования глобальных экологических проблем и их деполитизации я отдаю безусловный приоритет.

Международные организации — ЮНЕСКО, ЮНЭП и другие — показали свою недостаточную эффективность. Они не только очень дороги, но и чересчур бюрократизированы. Но главная их беда в чрезмерной политизированности, которая накладывает на их деятельность печать холодной войны и заставляет их сотрудников отстаивать прежде всего национальные интересы отдельных стран. Сейчас для решения общепланетарных задач нужны организации совершенно иного типа. Разумеется, они должны содержаться на деньги государств и их правительств, но сотрудники этих организаций должны представлять не государства, а профессии. Отбор таких специалистов представляет большие трудности. Но иного пути нет. И их деятельность, повторю, не должна зависеть от правительств. Деполитизация научной информации — одна из важнейших политических задач.

А правительства всех стран должны стать выше традиционного эгоизма и понять, что судьба планетарного сообщества — это судьба каждой страны. Такого главного содержания перестройки менталитета в духе «Зеленого Креста»! И подобное требование не утопическое, а диктуется «земной необходимостью» выживания рода человеческого.

Мне кажется, что пришло время для организации специального института общепланетарных экологических проблем. Он стал бы не только самостоятельным исследовательским институтом, но, что гораздо важнее, центром, координирующим деятельность национальных исследовательских групп в области глобальной экологии человека. Именно на них ляжет основная нагрузка в изучении условий экологического императива. Такой институт, может быть, имеет смысл создать в рамках какой-нибудь неправительственной организации типа «Зеленый Крест», но на деньги правительств, которые обеспечат устойчивое финансирование. Подобный порядок откроет возможности для привлечения спонсоров и для участия частных научных фондов в этой важнейшей общечеловеческой деятельности. Кстати, можно было бы использовать для этой цели уже существующий четверть века Международный институт системного анализа, расположенный в окрестностях Вены.

Нравственный императив

Исследовательская деятельность, направленная на изучение условий, необходимых для гармонизации совместного развития человеческого общества и биосферы,— лишь часть усилий, которые должно предпринять человечество для сохранения себя на планете. Исследования лишь дают видение реальности и способны указать возможные пути смягчения кризиса, определить, что может зависеть от усилий человека, а что происходит независимо от него. Его судьба — следствие этих усилий. Мало знать, что надо сделать, главное — сделать это. Подобная деятельность многократно сложнее любых научных исследований.

Развитие общества — результат стихии самоорганизации, результат проявлений миллиардов инициатив отдельных людей и столкновений бесчисленного множества разнообразных интересов и стремлений. Бороться с этой стихией, вносить в нее планомерность и безнадежно, и невероятно опасно, как показал Ф. Хайек в своей знаменитой книге «Дорога к рабству». Но ввести ее в определенное русло — необходимо. В противном случае река истории должна будет иссохнуть, как река, стекающая с гор в пустыню.

И здесь перед нами встает опыт палеолита, когда человек отказался от продолжения внутривидовой борьбы, а значит и от собственного морфологического совершенствования. Он отказался в угоду общественному развитию. Этот шаг определил новые рамки антропогенеза. Можно спорить о причинах этой революции, качественно изменившей весь процесс развития человеческого рода. К. Лоренц полагал, что в ее основе лежит отсутствие «инстинкта волка», который запрещает ему использовать свои зубы при столкновении с себе подобными, при борьбе за самку. И если бы в палеолите не произошла перестройка эволюционного процесса, не появились бы зачатки морали, то с усовершенствованием оружия, по мнению Лоренца, наши предки просто уничтожили бы друг друга. Я же думаю, что главной причиной была необходимость передачи информации: мудрый старец, не только хранитель знаний и мастерства, но и учитель, был не менее нужен племени, чем самец с могучими бицепсами.

Но так или иначе, однажды родилась мораль — великий принцип «не убий!», принятый независимо друг от друга всеми племенами, вошедший во все мировые религии вместе с теми зачатками цивилизации, которые имелись у людей палеолита. И сегодня речь идет об утверждении новых принципов нравственности, соответствующей могуществу цивилизации XXI века, новым взаимоотношениям человека и природы и, вероятно, новым отношениям между людьми.

Утверждение основ человеческой нравственности в палеолите шло путем естественного отбора на надорганизменном уровне — на уровне первобытных стад, а затем племен. И тянулся этот процесс, вероятнее всего, сотни тысяч лет. Трагизм нашего положения состоит в том, что у нас нет времени для перестройки — мы чересчур поздно осознали происходящее. У нас нет даже сотен лет — счет идет на десятилетия!

Но в нашем распоряжении есть средства обучения и воспитания, которых не было у наших предков. В их основе знания, основанные на достоверной информации и культурном контексте современности. И человечество должно решиться на перестройку образования, на утверждение новой грамотности, нового языка общения с природой и новых смыслов традиционных понятий.

Мир многолик, он богат разнообразием цивилизаций и традиций. В этом ключ жизнестойкости человека как биологического вида. А не только в развитом мозге. Цивилизационное разнообразие столь же важно,

как и генетическое, и им недопустимо жертвовать. Но в общении с природой, и об этом уже говорилось, человек выступает как единый вид. И подобно универсальности принципа «не убий!», ряд принципов поведения человека должен обрести определенную универсальность. Данные принципы должны составить скелет новой системы просвещения — не информации, а просвещения,— которая необходима многомиллиардному человечеству.

Формирование нравственного императива и системы просвещения в рамках национальных культурных контекстов — еще одна общепланетарная проблема, которую придется решать мировому сообществу. Подчеркну еще раз: речь о просвещении, основанном на объективных знаниях, но в конкретных культурных, цивилизационных контекстах. Такая программа неизмеримо труднее любой исследовательской программы, ее формирование и особенно реализация требуют межнационального согласия и совсем иной формы организации, нежели научные исследования. Я убежден, что она должна сделаться объектом политических и интеллектуальных усилий развитых государств и стран, имеющих древнюю культурную традицию.

Очаги ноосферы

Существует еще целый ряд вопросов международной политической жизни, которые диктуются экологическим фоном нашей планеты. Среди них, например, проблема организации экологической информационной службы, проблема сбора и доступности информации, объединение национальных информационных систем и т. д. Каждая из них может стать предметом специального международного обсуждения. Здесь я хочу остановиться лишь на одном вопросе.

Термин «ноосфера» вошел сегодня в обиход не только людей, занимающихся проблемами экологии человека. Во многом он не однозначен, и разные люди его понимают по-разному. Но если сопоставить представления о ноосфере тех, кому мы обязаны рождением этого термина — Э. Леруа, П. Тейяр-де-Шардена и В. Вернадского,— то при многих различиях у них обнаруживается одно общее. Будущность человечества (если она существует, добавлю это уже от себя) может состояться только в условиях коэволюции с природой. Но было бы совершенно утопичным представление о том, что сразу на всей планете люди научатся согласовывать свои потребности с возможностями природы, перестроят систему биогеохимических циклов и т. д. Переход биосферы в новое состояние — это не простой переход через точку кипения. Он продлится поколения. Как же он может произойти? И что мировое сообщество может сделать для его ускорения?

Здесь невольно приходит на ум одна аналогия — аналогия с возникновением и расширением ледников. В начале ледникового периода первые очаги ледников возникли в благоприятных местах — на вершинах гор, где было холоднее, в оврагах — там, где зимой скапливалось много снега, и т. д. Их появление усиливало те обстоятельства, которые привели к рождению этих очагов — с их появлением возникает положительная обратная связь. Очаги разрастаются, сливаются однажды вместе, и вот уже значительную территорию покрывает большой ледник. Я думаю, что нечто подобное может происходить и с очагами ноосферы.

Первые очаги еще не станут подлинно ноосферными. Это будут лишь первые попытки комплексного использования технологий, минимально нарушающих равновесие окружающей природы; оазисы, где люди будут пытаться жить в согласии с природой. И их организация потребует определенных и, вероятно, очень немалых затрат. Но чистая вода, чистый

воздух и чистый лес — все это и есть настоящие ценности человека, к которым он всегда стремится. Другими словами, обитание в этих очагах делается привлекательным для людей, а значит будет создавать дополнительные стимулы к их разрастанию и средства для их организации.

Программа и стратегия ноосферогенеза относятся, по моему глубокому убеждению, к числу ключевых проблем современной цивилизации. Мне кажется, что существует целый ряд мест на земном шаре, которые морально готовы к превращению в очаги ноосферы. В России такими местами могут оказаться районы старых монастырских поселений, вроде Тихоновой пустыни в Калужской области. И русская церковная традиция вполне гармонично сочетается с идеями коэволюции человека и биосферы.

Важно показать примеры. И не утопические, вроде поселений Оуэна в Америке, а основанные на современном здравом смысле и непрерывно развивающейся технологии.

Новые технологии и необходимость социальной ориентации

Стремительное нарастание современного экологического кризиса связано с бурным развитием научно-технического прогресса, созданием новой техники, новых технологий. Это обстоятельство служит источником широко распространенной иллюзии о вреде техники, о необходимости возвращения к примитивной технике и жизни «на природе». В подобных дискуссиях часто приводятся примеры того, как использованию новых технологий сопутствовали человеческие несчастья, обеднение страны и т. д.

И действительно, не контролируемые гражданским обществом рыночные механизмы могут превратить в несчастье любые благие начинания. Потому-то и возрастает роль гражданского общества в развитии экономики, по мере того как растет могущество цивилизации. Вот один очень яркий пример.

В послевоенные годы произошла так называемая «зеленая революция». Новая технология сельскохозяйственного производства позволила многократно увеличить количество производимого продовольствия, причем в таких бедных странах, как Индия, Мексика, Бразилия, где его традиционно не хватало. Но далеко не всюду она принесла благо.

На юге Бразилии и севере Аргентины в начале 50-х годов один гектар пашни давал около полутора тонн пшеницы. После внедрения новых технологий с этого же гектара стали собирать две с половиной тонны зерна и более двух тонн сои. В результате... начали стремительно расти труппы в крупных городах, куда хлынула масса разоряющихся фермеров, а страны стали стремительно беднеть. Так «зеленая революция» послужила источником обнищания народа, роста доходов компрадорской буржуазии, роста социальной напряженности и нарушения стабильности в стране.

Причина состояла в том, что цена на зерно упала, а стоимость технологии возросла. Основная масса крестьян не имела средств для внедрения новых технологий и обанкротилась, не выдержав рыночной конкуренции с теми немногими производителями, которые имели средства для перехода к интенсивным технологиям. Поэтому огромное количество крестьян были вынуждены продать свои хозяйства и, перебравшись в города, оказались в большинстве своем на положении люмпенов. Сою продавали в странах Северной Европы, где она шла на корм скоту и позволила производить океан дешевого молока. Вырученные деньги оседали в Европе. Так начал работать насос, который стал перекачивать богатства Латинской Америки в благополучную Европу.

Но этот пример вовсе не означает, что не следует развивать и использовать новые современные технологии. Можно с уверенностью сказать, что только с помощью науки и новых технологий мир способен преодолеть грядущий экологический кризис. Но не в рамках дикого, неконтролируемого рынка, а в рамках либеральной, социально ориентированной экономики, функционирующей под контролем гражданского общества. Я бы даже добавил — под жестким, практически тотальным управлением его законов, как в США!

О новой роли Организации Объединенных Наций

Развивающийся экологический фон нашей цивилизации, необходимость активных действий в интересах всего планетарного сообщества, которую начинает понимать все большее количество людей, неизбежно будут иметь множество политических последствий. Может быть, важнейшим станет постепенное изменение статуса Организации Объединенных Наций. Она неизбежно должна приобрести некоторые черты мирового правительства. Собственно говоря, такой процесс уже начался. Однако рано или поздно придется пересмотреть всю структуру этой организации.

Сейчас она очень бюрократизирована. Огромную роль играют национальные амбиции ее участников. Особенно вреден принцип подбора ее служащих — не по компетенции, а по национальному признаку, который олицетворяет представительство того или иного государства. Такая система не способствует общепланетарной экологической стабильности. Я убежден, что при всем многообразии национальных культур, составляющих одно из важнейших богатств человечества, время национальных государств прошло. Государства будущего — территориальные, представляющие свободу не только вероисповеданию, но и развитию национальных культур, из которых складывается арсенал адаптивных стратегий человечества.

Я убежден также, что придется создать некий консультативный орган — «Совет мудрецов». Деятельность Организации Объединенных Наций нельзя оставлять только политикам. В таком совете должны работать не представители наций, а представители профессий — и естественных, и гуманитарных. Это должна быть группа ученых, высокая компетентность и безупречный нравственный облик которых известны. Другими словами, в ней должны быть люди, мнения которых будут авторитетны для представителей любых государств. Такой совет можно было бы назвать палатой представителей профессий или кабинетом высшей компетентности.

Именно этой группе людей следует доверить утверждение научных программ и планов планетарной просветительской деятельности. Я уже говорил, что в век экологического кризиса, когда все человечество выступает как единый вид, особенно важна открытость информации и ее доступность. Поэтому кроме выработки общепланетарной стратегии во взаимоотношениях человечества и остальной биосферы на плечи этого совета должны лечь обязанности создания общепланетарной системы экологической информации и контроля за ее деятельностью.

Позиция ограниченного пессимизма

Свою позицию я называю позицией ограниченного пессимизма. Как физик и математик, как специалист в области системного анализа я вижу множество возможностей если не преодоления, то такого смягчения кризиса, который дал бы человечеству возможность перестроить свою экологическую нишу на базе новых технологий и более совершенной

организации общественных взаимоотношений. Занимаясь последние 20 лет проблемами взаимоотношения человека и биосферы, я вижу те возможные механизмы, которые, не нарушая синергетических основ развития общества, позволят без привлечения утопических социальных конструкций построить разумные способы реализации принципов коэволюции. Однако у меня нет убежденности, что человечество — на современном уровне его культуры и морали — способно этими потенциальными возможностями воспользоваться.

Планетарному обществу действительно предстоит перестройка. Готово ли к ней человечество?

Н. Моисеев, 1993